

лимируемой с помощью категорий, вносимых диктатом в сознание. Психологическая предрасположенность функционеров подавления к садизму является основой для повышения эффективности их воздействия на подавляемые слои.

В психологическом комплексе доминант подавляемых преобладает мазохистский компонент, в силу чего сознание их легко формируется под влиянием реалий внешнего мира.

Гражданская война привела к формированию диктатного общества со структурой хотя и стереотипной для любой системы диктата, но все же имеющей свои особенности, потому что система находилась в начальной стадии своего развития. В этой фазе слой проводников диктата формировался из бывшего слоя подавляемых. Подавляемые способны быть хорошими проводниками идеи диктата в силу очень негибкого сознания, но основные доминанты психогенотипа этого слоя все же понижают эффективность функционирования системы подавления. Этим, в частности, можно объяснить феномен более мягких приговоров по делам о принадлежности к контрреволюции в начале 20-х годов в сравнении с периодом большого террора.

К концу 20-х годов процесс формирования новой диктатной структуры закончился, слои заняли свойственные им психологические ниши. Большая часть индивидов, инвестированных в слой проводников диктата в условиях гражданской войны (они реализовывали навязанную вер-

ховными иерархами идеи диктатуры пролетариата), в обыденной жизни вернулась в слой подавляемых, где чувствовала себя психологически комфортно. Слой проводников диктата сформировался за счет индивидов с соответствующими психофизиологическими характеристиками. Именно поэтому так эффективно был осуществлен террор в 30-е годы.

Что касается подавляемых, поощрявших действия проводников диктата, то объяснить их политическое поведение можно отчасти и так: вытесненное в подсознание стремление к социальным и гедонистическим привилегиям замещается у них невротической реакцией тотальной подозрительности и мести.

К таким размышлениям привел нас поиск причин трансформации массового политического поведения в 20-30 годы.

Примечания

1. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
2. Кайтуков В.М. Эволюция диктата. М.; Б.Г. Кроме того, общая концепция представляет собой аппликацию той части классического учения З.Фрейда и его последователей, которая касается взаимосвязи сознательного, подсознательного и бессознательного.
3. Психологический словарь. М., 1988.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
5. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

Т.К. Щеглова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НИЖНЕГО ПРИЧУМЬШЬЯ В XX ВЕКЕ (материалы к картотеке сел)

На протяжении всей обозримой истории развитие сети населенных пунктов Тальменского района и процесс селообразования шел своеобразно. В основе этого своеобразия лежали ряд факторов географического, природного, исторического характера. Через Нижнее Причумышье начиналась официальная колонизация всей территории Верхнего Приобья. Первые крестьянские поселения были основаны новоселами исходя из

практического опыта и требований ведущих промыслов: хлебопашества и скотоводства. Возможность свободно выбирать "пустолежащие земли" привела к тому, что старожилы Нижнего Причумышья заняли самые удобные места и уже в XVIII веке создали развитую сеть населенных пунктов вдоль р.Чумышья и ее притоков Еловки, Тальменки, Кашкарагаихи, Боровлянки и др. Сама местность - пойма рек с обильными лугами и

подпиравший девственный лес привели к преобладанию долинно-приречного типа планировки со свободной застройкой на значительном расстоянии крестьянских усадеб с жилыми и хозяйственными постройками [1]. Первой отличительной чертой развития сети населенных пунктов Нижнего Причумышья является наличие большого числа старейших пунктов, что позволяет выявить фрагменты традиционной древней застройки деревень, с помощью старожилов реконструировать застройку рубежа XIX-XX в. и определить родовое гнездо села. По-видимому, до середины XIX в. в селах региона преобладала старожильская культура с выраженными северо- и среднерусскими культурными традициями. Администрация Алтайского горного округа только рекомендательными постановлениями и показательными планами пытались регламентировать застройку сел. Даже в начале XX века выселенцы из старых деревень практиковали свободную застройку, приспособившись к ландшафту. Подобным примером до середины 60-х годов была Шиловка, расположенная в пойме Оби у озера Глубокое: "Домов 20-25 было беспорядочно разброшено по склону холма. Кто как хотел, так и селились. Были большие огороды. Ютились ближе к озеру, вдоль него, по кромке бора".

До первых десятилетий XX в. Нижнее Причумышье оставалось старожильской зоной с плотным заселением побережья рек. Даже столыпинская реформа 1906-1910 гг. не привела к образованию большого числа новых населенных пунктов, как это было повсеместно по Алтайскому округу. Одной из причин было относительное "малоземелье", вызванное тем, что значительную часть площади занимал бор, который запрещалось вырубать под пахотные земли. Как известно, собственником земель и леса в Алтайском округе являлся Кабинет Его Императорского Величества. После земельных реформ 1899-1915 гг. произошло разграничение земель Кабинета и крестьянских обществ. Крестьяне получили землю в пользование на правах государственной подати. Но леса и в первую очередь ленточные боры остались в монопольной собственности Кабинета. В них "для крестьян доступ был фактически закрыт. Прекратился бесплатный отпуск леса, производившийся и до этого в ограниченных раз-

мерах, крестьяне не могли пользоваться даже валежником... Запрещался даже сбор грибов и ягод, за все полагалось платить" [2]. Крестьяне Нижнего Причумышья были стеснены этим обстоятельством. Поэтому в отличие от степной и предгорной зоны округа на территории Причумышья была слабо развита традиционная для крестьян Алтая заимочная форма. Об этом говорят и воспоминания старожилов: "В Тальменке-то не было хуторов. Не помню. Вот за линией "Варан" был. Жил там в землянке один".

В определенной степени это было также связано с возможностью зажиточных крестьян жить не только за счет хлебопашества, но и зарабатывать на перевозках леса благодаря продаже Его Кабинетом, а также на ямщине и извозе благодаря близости Сибирского торгового тракта. "У богатых-то не было заимок,- вспоминает Н.Н.Холодков - Они все на лошадях. Там, где большие грузы, там они. На р.Еловке было два лесопильных завода - Нижний и Верхний. Заводы были частные. Частники подряжали. Лес заготавливали. Возили. Там и смолу древесную гнали. Туда паровые котлы надо было доставить. Так Екшимбаровы (старожилы Тальменки) под 40 лошадей запрягли и месяц эти 18 км тащили. У них были самые крупные лошади. Там, где самый тяжелый груз, - там они и подряжались" [3]. Поэтому старожилы Тальменки держали много лошадей. Они же владели всеми пахотными угодьями и сенокосами в поймах рек. Переселенцам из России места не досталось. Земельная реформа преследовала цель во время разграничения земель "за счет старожилов устроить часть переселенцев", установив норму наделения переселенцев. Но в окрестностях сел Причумышья, занятых лесом, свободных земель для переселенческих поселков, по-видимому, не нашлось, и переселенцы оседали в старожильческих селах. Это привело к их перенаселению. В этот период в старожильческих селах сформировались переселенческие "края", "районы", "концы", которые назывались по названию губернии переселенцев.

Перенаселение и земельная теснота подготовили демографический взрыв и расширение сети населенных пунктов в 20-х годах XX столетия. Толчком к этому взрыву послужили новые условия землепользования, уничтожившие кабинетскую собственность и разрешившие свободное

землепользование (Новая Экономическая Политика(НЭП) Советской власти). В 1921-1928 гг. произошел своеобразный "выброс" населения из старых сел в новые места. Выехали преимущественно поздние переселенцы. Так, из сел Инношево и Митюшово выехали переселенцы из Мордовии, прибывшие на Алтай после столыпинской реформы. В 1926 г. они перебрались за Большое Инношовское болото, которое занимает более 1 тыс. га земли, и расселились на возвышенностях вдоль ручья, впадавшего в болото, образовав с.Межгорное. Наличие лугов позволяло заниматься земледелием, заготавливать корма. В окрестностях нового села были хорошие места под пастбища. Жители держали крупный рогатый скот, разводили свиней. Освоили новые земли. Так образовывались и другие выселки: Калиновка от Анисимово, Шиловка от Елунино. Размеры их обычно были небольшие: 20-25 дворов. Производительные возможности заселенных мест определяли специализацию крестьянского хозяйства. Так, в Шиловке - "хорошие места, пойма Оби. Там скотоводством занимались. Посевами немного. Лесу много. Занимались лесозаготовками. Рыбы много. Занимались рыбалкой - реализовывали рыбу. Огороды садили. Жили этими огородами, рыбой, грибами, ягодами". В Шиловке так и не было создано колхоза и жители жили "натуральным хозяйством".

В этот же период в Нижнем Причумышье образовался ряд пунктов, населенных новыми переселенцами с Урала и Европейской России, прибывшими на Алтай уже в 20-е гг. Одних принудило к этому малоземелье, другие спасались от страшного голода в Поволжье, на Украине и Центральной России. Так возникли села Клоквенка, Ясная Поляна. Единственным сдерживающим фактором расселения на новом месте была сила сельских общин - "мира" старых деревень. Переселенцы из России получали земли вблизи старожильческих наделов, чаще в бору или менее удобных землях, обработка которых требовала больших физических сил. Ярким примером являлась история Клоквенки, образованной переселенцами из Вятской, Смоленской, Тамбовской губерний. Первым ходоком был вятский крестьянин, участник первой мировой войны Курдюков, вернувшийся с войны в Пермскую волость Вятской губернии израненным. Вслед за ним приехали вятские хлебопашцы Ляпуновы, Черныховы, Ласковы, Кузнецовы, Волковы. Место им

досталось рядом с полями новеловских крестьян: "С одной стороны Клоквенки-то было выкорчевано - там Ново-Еловка была. А вглубь, где наши поселились, надо было корчевать. Корчевали вручную. Сеяли рожь, пшеницу, овес, лен". Сначала новоселам надо было обзавестись всем необходимым. Поэтому "подрабатывали у еловских мужиков." Григорий Прокопьевич Ляпунов ходил с дочерью пилить дрова в Еловку. За работу получали хлеб, муку. Позже заработали корову. "Коровку привели, - вспоминает К.Г.Ляпунова, - мы ее в разные места целовали..." Однако справиться с большим объемом работ по очистке полей переселенцы не могли. "Картошка да коровка" выручали. Поэтому в новых селах стали заниматься кустарными промыслами, прежде всего связанными с деревообработкой.

Населенные пункты, основанные переселенцами так и назывались - поселки, от слова "поселиться". Они отличались своей планировкой и застройкой. Чаще всего это была одна улица. Рассвет - "красивое село, одна улица была, посредине большой колодец, по воду ходили". Клоквенка - "поселок был небольшой. Одна улица - широкая, прямая, чистая".

Освоению новых земель и росту сети населенных пунктов способствовало и развитие в 20-е годы хуторского хозяйства среди старожилов старых деревень. Воспользовавшись свободой землепользования, они переселялись ближе к своим сельхозугодьям - пашне, выпасам. Н.Н.Холодков в 20-30-е годы возил инспектора Рабоче-Крестьянской инспекции, представителя по хлебозаготовкам Волкова, по деревням Нижнего Причумышья, который "подгонял единоличников, чтобы хлеб сдавали". Он вспоминает, что за Загайново образовалось село Верх-Бобровка, а за ним "хутора были от Верх-Бобровки - 2 хутора на одном и том же взгорье". "Вот зайди пшас в дом, хлеба спроси, - говорил Волков, - Нет хлеба. А вон какие хлеба растут!" Такие хутора возникали на речках у мельниц, у маслозаводов, крупорушек, на пашнях: "Населения прибавлялось. И все по хуторам. Домишки построили и жили. А кто запрещал раньше? Живи. Ты живешь своим умом, своим трудом". Большинство старожилов жило зажиточно, вели единоличное хозяйство, содержали скот, покупали технику, открывали заводы по переработке продуктов земледелия и скотоводства. В Тальменке была маслобойка у Сидора Мжельских, у Холодковых. В основном гнали ко-

ноплиное масло, которое шло и на еду и на олифу. Некоторые ямщину содержали, как Тимофей Сергеевич Кузнецов, у которого "кони хорошие были. Квартира хорошая. Посуда. Перины. Конюшня хорошая. Баня. Господа, какие приезжали, ночуют. До Залесово 100 км было. Увезет их". Но все же главным оставалось хлебопашество. "Все хлеборобы были. Пашни здесь у всех были. Они каждый клочок земли знали. Как и где родит".

Таким образом, до конца 20-х годов развитие населенных пунктов шло традиционно: большие села с церковью, деревни, выселки, поселки, заимки, хутора, односелья. Качественно новый этап наступает на рубеже 20-30-х гг., когда большую роль стал играть политический фактор. Прежде всего это ликвидация единоличного хозяйства, курс на обобществление производства, создание коллективных хозяйств. Вторая половина 20-х гг. отмечена широким движением коммунаров. Одни коммуны быстро распадались, на основе других возникали поселки. Но, в отличие от других регионов Алтая, крупных сел на основе коммун не образовалось. В 1926 г. на месте хутора в 3 км от Лушниково за бором образовалась коммуна Сталина. Было около 10 домишек. Инициатором был М.Е.Вережкин. На ее основе пытались создать образцово-показательное хозяйство. П.Д.Доровских помнит, что в Сталинской "лушниковские были, и анисимовские, и кошелевские". Отец - Д.Г.Кузнецов был из Лушниково. Имел большой дом, пашни, "скотинка своя была и машины, которые на поле требуются, были: молотыга, сенокосилка, конные грабли". А также завод был - "деготь целды". Таких хозяев в период коллективизации ждало два пути - либо раскулачивание и высылки, либо добровольное вступление в коллективное хозяйство. В Сталинском для Д.Г.Кузнецова нашлась работа: он также гнал деготь, сдав все имущество, скот, машины в коммуну. Первые коммунары жили в бараке из пяти квартир. Потом построили дома одной улицей вдоль реки. На другой стороне реки также было несколько домов. Поселение не имело школы. Но по вечерам для взрослых и для маленьких проводились курсы обучения грамоте. Уже перед войной большинство разъехалось: Кузнецовы - в Курочкино, Алфеевы - в Тальменку, анисимовские - обратно в Анисимово.

Естественно-географические условия Нижнего Причумышья обусловили еще одну особен-

ность демографических процессов. Если репрессивные события 30-х годов привели в ряде регионов к уменьшению населения, то в Тальменском районе происходило переливание населения из земледельческих сел в промыслово-промышленные. Распространенным явлением были переезды внутри района. Например, в большой семье Кузнецовых из с.Тальменки, после раскулачивания и высылки старшего брата Тимофея Сергеевича, остальные, оставив дома, уехали. Как оценивают старожилы: "Сбежали, чтоб не раскулачили". Такие случаи встречаются повсеместно. Многие из них селились в поселках, связанных с лесозаготовкой и лесопереработкой. Необходимо отметить, что в советское время развитие промыслов по лесозаготовке и переработке леса, обилие рабочих мест являлись стабилизирующими факторами и способствовали закреплению населения в регионе. Переселенцы-хлебопашцы, которые приезжали в 20-30-е гг. в села Нижнего Причумышья, также находили себе работу в промысловых деревнях. Во всех переселенческих селах "был отток все время и приток. Кто-то поехал в лес на другие работы. Не хотел заниматься землей. Возиться".

Такие промысловые поселки возникли в большом количестве в северо-западной части Тальменского района. Создание мелких лесных поселков отличало Нижнее Причумышье. В них проживали рабочие леспромпхозов. Например, поселки Романовский, Примовский, Чудовка, 73-й участок, 61-й квартал относились к Тальменскому химвлесхозу. Основным занятием жителей этих поселков являлся сбор живицы. Обычно зимой рабочие подготавливали деревья для сбора живицы, очищали кору. В поселках были "бондарки" - мастерские, где делали тару под живицу. Летом бригада работала в лесу. В среднем рабочая бригада имела бригадира, 3-7 срезчиков и около 10 сборщиков. Поэтому лесные поселки были небольшими, обычно около 20 семей, которые проживали в многоквартирных длинных бараках, размещаясь с детьми в небольших комнатах. В поселках кроме бараков ставили 1-2 срубных дома. Была школа. Присылали учителей. Открывали свои пекарни. Остальные продукты завозили. Как вспоминают жители, "все общее... И в бор вместе. И хлеб, и картошку съедают все". Работа была тяжелая. Особенно для женщин, которые работали сборщиками: "Коромысло на плечи. Два ведра по 10 л, а живица тяжелая - 15-18 кг. У каждой свой участок, размером 1 на 2 км. Изнурительная ра-

бота. Лето. Духота в бору. Мошкара. Комары." Несмотря на такие тяжелые условия, работа в лес-промхозах привлекала колхозников, потому что "там платили деньгами. Охотой, рыбой занимались". Поэтому, даже в период наибольших подвижек населения на Алтае - во время укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных сел (так называемого "движения в город"), численность населения района сильно не изменялась.

Однако внутри района переселение было распространенным явлением. В частности, по мере истощения лесов и живицы леспромхозы переводились или закрывались. Поселки сворачивались. Так же произошло с поселками от лесхоза вокруг Курочкино, где занимались распиловкой леса. От 13 участка (ныне станция Красный Боец) была проложена узкоколейная железная дорога до депо в с. Курочкино. Вдоль нее, по бору, были образованы 59-й, 101-й и далее ряд участков за Курочкино. После закрытия лесхоза люди разъехались. То же произошло с п. Черненькое. Но самыми значительными исчезнувшими лесными поселками были Западный и Майский от Озерского лес-промхоза на левом берегу Чумыша.

Одна из причин исчезновения ряда поселков в устье Чумыша была также связана с большим объемом лесозаготовок. В 60-70-е гг. для запланированного строительства Каменской ГЭС вырублено более 36 тыс. га. Берега Чумыша и Оби были оголены. Для жителей ряда левобережных промысловых сел по р. Чумыш не осталось работы. Например, в с. Б. Кокуе, где было 15-20 дворов, "пахни не было. Пойма Оби. Весной рыба в оз. Кокуйское заходила. Его перекрывали. Занимались рыболовством. Промартель была. Делали ширпотреб. Была пилорама". После вырубки леса занимались посадками, ухаживали. Жили в основном лесники. Также исчезло и Барсуково, в котором была промартель, а затем небольшая мебельная мастерская по производству этажерок, школьных досок, столов, табуретов.

Более сложными являлись причины гибели сельскохозяйственных поселков, таких как Калиновка, Ясная Поляна, Клюквенка. В исторической литературе до сих пор идут споры о соотношении объективных и субъективных причин. Несомненно, судьбу этих деревень решили и процессы урбанизации и индустриализации, послевоенного реформирования деревни, продик-

тованного, с одной стороны, состоянием разрушенного в ходе войны народного хозяйства, а с другой - продолжением курса на дальнейшее обобществление производства и огосударствления колхозно-кооперативного сектора, вылившимся в кампанию укрупнения колхозов, переводу колхозов в совхозы и ликвидацию неперспективных сел. Не менее спорными являются и методы реализации политики, т.к. открытого насилия не было. Наоборот, основным методом официально провозглашалось "разъяснение политики партии и правительства", добровольное принятие решения колхозными коллективами. Однако в ходе ее реализации возобладали разрушительные процессы. Традиционный командно-административный стиль управления процессом укрупнения, обязательность выполнения решений партии и правительства для местных органов власти, соревновательный дух между исполнителями - все это ускорило разрушение малых населенных пунктов. Возобладал процесс укрепления материально-технической базы центральной усадьбы за счет малых сел, когда создавали единое коллективное хозяйство из нескольких деревень с единым колхозным правлением и колхозным собранием. Общее собрание центральной усадьбы принимало решение о переводе ферм, перегоне скота, переносе тока с отделений колхозов. У старожилов исчезнувших сел осталось чувство "обида" за то, что центральные села "ограбили" малые деревни.

Процесс сокращения сети населенных пунктов, начавшись с идеи экономии средств путем отказа от экономической поддержки малых сел и укрепления за их счет центральной усадьбы, затянулся с середины 50-х до середины 80-х годов. Так, в с. Кунгурово сначала была ферма Тальменского совхоза, затем Озерского откормсовхоза. Его земли переходили из рук в руки, от одного хозяина к другому. Одно время решили, используя хорошие водоемы, основать утиную ферму. Затем, учитывая хорошие выпаса и места под сенокос, построили ферму крупного рогатого скота, соорудили по последнему слову техники арочные дворы. Однако управление хозяйством отделения из Озерок, за 30 км от него, не способствовало эффективности производства. Падали удои и привесы. В начале 60-х гг. оставалось уже

15-20 домов, а с переводом гуртов на центральную усадьбу оставшееся население выехало.

Одной из веских причин ликвидации поселков называли отсутствие дорог. Например, в Межгорное напрямую можно было добраться только зимой, когда замерзало болото, а летом - в объезд или "гать через болото стелили". Село Заря Свободы находилось от центральной усадьбы на другом берегу Чумыша, куда зимой можно было ходить пепком. Весной, когда сойдет лед, на лодках. А летом по мосту, который каждый год настилали на сваи, а осенью настил убирали. До Клоквенки также сообщения никакого не было: "Ни зимой, ни летом не проехать. Дождь летом брызнул - на машине не проедешь. Зимой снег пошел - уже не проедешь. Возили только что на лошадях". Эта проблема была решена путем ликвидации неперспективных сел в 60-70-е гг. Старожилы называют эту политику "стихией", подчеркивая, что "на развал этих поселков повлияло отсутствие внимания к их нуждам. Если бы обратили внимание на людей, которые там живут, и создали условия, никто никуда бы не поехал. А уж коли сами так построили, чтобы люди уехали - поэтому вынуждены были уехать. И поселки самоликвидировались. И остался один пепел".

В целом, в Нижнем Причумышье, как и на всей территории Алтайского края и всей России, одним из негативных последствий ликвидации малых сел являлось сокращение производительных угодий, ухудшение их обработки, потеря плодородности, вследствие спешности работ и массового применения крупногабаритной техники. Например, после присоединения колхоза "Наше сознание" (Клоквенка) к колхозу Новоеловки "саму деревню уже в 70-80-е гг. перепахали. Сначала травы засеяли. Потом хлеб. Только кладбище осталось. Потом на месте деревни держали 2-3 гурта молодняка для нагула. Раньше-то у нас под самое крыльцо пахали. Скотину хоть на привязи держи. Сейчас заросло все бурьяном кругом".

Результаты ликвидации малых сел остро ощущаются на современном этапе в ходе разукрупнения производства. На месте исчезнувших

сел энтузиасты пытаются создать фермерские хозяйства. Бывшие поселки выполняли свою роль и имели выгодное положение. Так, вокруг отделения в пос. Заря Свободы находилось около 200-300 га пашни колхоза "Родина" с центральной усадьбой в с. Зайцево, сенокосы, ферма. "Они и хлеб растили и животноводством занимались. Дойного стада не было, а была ферма молодняка. Ближе к кормам. Они заготавливали корма и возили в Зайцево. Сенокосы у "Родины" в основном были на "Заре Свободы". Они зимой горючее завозили и весной сев начинали как все. Потом колхоз "Родина", в который "Заря Свободы" входила как отделение, стал меньше обращать внимания на них. Сначала сеять стали меньше. Луга в основном образовывали. Стали заготавливать меньше, скот забрали". И в конце 70-х гг. поселок исчез.

Были еще на территории Нижнего Причумышья поселки, возникавшие, благодаря близости города Барнаула как подсобные хозяйства, например, пос. Гортоп. Не описаны поселки, возникшие благодаря железнодорожному строительству. Не затронуты в данной работе и ряд других населенных пунктов, как с. Никольское, Майское, Черненький, Усть-Чумышская пристань (Мостовое) и другие. Воссоздать сеть исторического заселения Нижнего Причумышья, сформировать картотеку всех поселений и создать информационный банк данных по истории, экономике и культуре существующих и исчезнувших сел и каждой семьи является благородным делом местных исследовательских сил.

Примечания

1. Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре XVIII-XX вв. М., 1987. С. 24, 27, 34.
2. Храмов А.А. Сельское хозяйство и крестьянство Алтая в начале XX в. // История Алтая. Ч. I. С. 268.
3. Полевые материалы ИЭЭ 1996 г. Мемораты Холодкова Н.Н., Ляпуновой К.Г., Мальшева Б.А., Доровских П.Д., Кузнецова В.М., Еремкиных А.Я. и А.А., Цигулева А.П.

Карта-схема Тальменского района